

Дагеротип в России

Том V

Собрание Российской
государственной библиотеки

The Daguerreotype in Russia

Volume V

The Collection
of the Russian State Library

УДК 778.086(47+57)(083)
ББК 85.163(2)я2
Д14

СВОДНЫЙ КАТАЛОГ «ДАГЕРОТИП В РОССИИ»

Руководители проекта: З. М. Коловский (РОСФОТО, генеральный директор), А. В. Максимова (РОСФОТО, директор выставочных и издательских программ)
Редакционный совет: Е. В. Бархатова (РНБ), А. В. Максимова (РОСФОТО, председатель Совета), Т. Г. Сабурова (ГИМ), О. Ф. Уйманен (РОСФОТО)

Том V
Собрание Российской государственной библиотеки
Авторы статей: В. И. Бурцева (РГБ), А. Е. Родионова (РГБ), О. Л. Соломина (РГБ)
Авторы каталожных описаний: А. Е. Родионова (РГБ), О. Л. Соломина (РГБ)
Реставратор: З. С. Ваховская (РГБ)
Редактор: Т. П. Артёмова
Фотографы: Е. Ю. Борисов (РГБ), А. А. Киселев (РГБ), А. Р. Самойлов (РОСФОТО)
Выпускающий редактор: М. Г. Дыникова
Корректор: Е. В. Величина
Дизайн и вёрстка: А. Л. Макаров (РОСФОТО)
Перевод на английский язык: И. Ю. Макеев

ISBN 978-5-91238-016-7
ISBN 978-5-91238-028-0 (т. 5)

© Российская государственная библиотека, 2017
© РОСФОТО, текст, составление, дизайн, вёрстка, перевод, 2017

Проект реализован при поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Организаторы выражают благодарность за помощь в осуществлении проекта Министерству культуры РФ; руководству и научным коллективам музеев, архивов и библиотек и лично П. В. Хорошилову

THE DAGUERREOTYPE IN RUSSIA. A CONSOLIDATED CATALOG

Project Supervisors: Z. M. Kolovsky (ROSPHOTO, Director), A. V. Maximova (ROSPHOTO, Director of Exhibition and Publication Programs)
Editorial Board: E. V. Barkhatova (NLR), A. V. Maksimova (Chair, ROSPHOTO), T. G. Saburova (SHM), O. F. Uimanen (ROSPHOTO)

Volume V
The Collection of the Russian State Library
Essays: V. I. Burtseva (RSL), A. E. Rodionova (RSL), O. L. Solomina (RSL)
Catalog Entries: A. E. Rodionova (RSL), O. L. Solomina (RSL)
Restoration: Z. S. Vakhovskaya (RSL)
Editor: T. P. Artyomova
Photographers: E. Y. Borisov (RSL), A. A. Kiselev (RSL), A. R. Samoylov (ROSPHOTO)
General Editor: M. G. Dynnikova
Proofreading: E. V. Velichkina
Design & Makeup: A. I. Makarov (ROSPHOTO)
Translation: I. Mackeev

© The Russian State Library, 2017
© ROSPHOTO text, composition, design, makeup, translation, 2017

The Project has been carried out under the aegis of the Ministry of Culture of the Russian Federation

The editors would like to express special thanks to the Ministry of Culture of the Russian Federation, managerial and research staff of the participating museums, archives and libraries, and personally to P. V. Khoroshilov, for their support in the implementation of the Project

Введение

Издание сводного каталога дагеротипов, предпринятое РОСФОТО, вдохновило крупнейшую библиотеку страны на выявление в своих фондах чудом сохранившихся хрупких свидетельств зарождения фотографии в России. В фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки находится собрание дагеротипов Семёна Николаевича Корсакова, который одним из первых в России увлёкся изобретением Дагера и в своем подмосковном имении Тарусово организовал личную фотолабораторию. Эта коллекция насчитывает 236 дагеротипов, что делает её второй по величине в России после Государственного исторического музея. Дагеротипы Корсакова дают яркое представление о жизни дворянской усадьбы и её обитателей в 1840–х гг. XIX в. Семейные портреты и виды усадьбы, бытовые зарисовки и увлечения членов семьи, запечатлены на снимках, выполненных самим Семёном Николаевичем, его детьми и друзьями. Дагеротипов из других семейных архивов в наших фондах, к сожалению, не-

много, всего 14. Но среди них есть хорошо сохранившиеся редкие портреты графини Варвары Алексеевны Шереметевой и её супруга Владимира Ивановича Мусина-Пушкина, владельцев имения Покровское. Среди дагеротипов Отдела рукописей есть и работы профессиональных фотохудожников, таких как Карл Мазер, друг Семёна Николаевича Корсакова. Надеемся, что публикация материалов из фондов РГБ будет важна и интересна всем исследователям истории русской фотографии.

Российская государственная библиотека выражает благодарность музейно-выставочному центру РОСФОТО за издание отдельного тома серии «Дагеротип в России», посвящённого её собранию.

Н. Ю. Самойленко, заместитель генерального директора Российской государственной библиотеки по внешним связям и выставочной деятельности

В V томе «Дагеротип в России», посвящённом коллекции Российской государственной библиотеки, РОСФОТО продолжает публикацию наиболее крупных государственных собраний РФ. Этот том по-своему уникален — большинство снимков, представленных в нём, были созданы одним автором — талантливым фотографом-любителем С. Н. Корсаковым. Работая в собственной домашней лаборатории, автор уже в 1841 году, когда большинство и не помышляло о съёмке, уделял большое внимание совершенствованию процесса, стремясь достичь художественной выразительности и максимального качества изображения. Таким образом, главной темой в работах фотографа стали быт семьи и близкое окружение. Его дагеротипы отличает удивительная образность — непосредственность природы и интимность. Сохранились заметки автора и его домочадцев, о проведении съёмок и результатах задуманных экспериментов. Все эти

интереснейшие материалы наверняка станут основой для многих научных и практических исследований, а предметы ранней фотографии «коллекции Корсакова» займут достойное место в ряду признанных произведений его современников — первооткрывателей светописы.

Продолжая работу над выявлением памятников ранней фотографии в государственных фондах Российской Федерации, составители каталога «Дагеротип в России» надеются опубликовать весь корпус существующих на сегодняшний день уникальных «металлических снимков», не только спасая их от забвения и «угасания», но и давая импульс к дальнейшему углубленному изучению этого бесценного наследия отечественной истории и культуры.

А. В. Максимова, руководитель редакционного совета и директор выставочных и издательских программ РОСФОТО

Preface

The publication of the consolidated catalog *The Daguerreotype in Russia*, a bold endeavor undertaken by ROSPHOTO, inspired the largest library in our country to finally inventory in its repositories a collection of these fragile testimonies of the first steps of Russian photography. The Manuscripts Department of the Russian State Library holds a considerable number of daguerreotypes collected by Semyon Nikolaevich Korsakov, one of the earliest Daguerre’s followers in Russia, who organized his personal photographic laboratory on his estate in Tarusovo, Moscow Province. His daguerreotypes, 236 plates, make up the second largest institutional collection in Russia, immediately after the collection of the State Historical Museum. Korsakov’s daguerreotypes—family portraits and views of the estate, genre shots and perpetuated on silver recreational activities of family members and their hobbies—draw for us a bright and beautiful picture of a Russian country estate and the lives of its inhabitants in the mid- nineteenth century. They were made by Semyon Korsakov himself, as well as by his children and close friends. The total number of

With Volume 5 of the consolidated catalog The Daguerreotype in Russia that covers the collection of the Russian State Library, ROSPHOTO continues its publication of the most voluminous institutional collections of daguerreotypes in the Russian Federation.

The collection presented in the fifth volume stands somewhat out since it includes mostly works of one particular daguerreotypist, the talented amateur-photographer Semyon Korsakov. Working out of his private studio, which he equipped at home, on the Tarusovo estate, Moscow Province, Korsakov, already in 1841, when most of his compatriots were simply unaware of a new medium, assiduously toiled over improving the method, striving to achieve better picture quality and artistic expression. Naturally, his main subjects were his estate and its inhabitants, his loved ones, his friends, and close acquaintances. His daguerreotypes are distinguished by their amazing imagery—naturalness, or rather naïveté (in the original sense of this word), of his subjects and innate intimacy. The Korsakovs’ archive holds the maker’s (as well as his collaborators’

daguerreotypes in all the other family fonds held at the Library is, unfortunately, very small—14 plates. But among those are very rare and well-preserved portraits of Countess Varvara Sheremeteva and her husband, Vladimir Musin-Pushkin, owners of the Pokrovskoe estate. Several of the plates among the Library’s holdings were made by professional daguerreotypists, such as Carl Peter Mazer, a good friend of Semyon Korsakov and his family.

Hopefully, this publication of the daguerreotype collection of the Russian State Library will be of interest to all researchers of the history of Russian photography.

The Russian State Library would like to express words of gratitude to the Museum and Exhibition Center ROSPHOTO for publishing an entire volume of their consolidated catalog fully dedicated to our collection of daguerreotypes.

N. Y. Samoylenko, Deputy Director of Exhibitions and External Relations, the Russian State Library

and pupils’) notes on shooting conditions, process details, compositional ideas. All this unique and very interesting material will certainly become a foundation for future researches in Russian history, art and photography history, chemistry, etc. And the works from “the Korsakov’s collection” will find a well-deserved place among the works of prominent daguerreotypists, pioneers of photography from the earliest days of this art.

The catalog’s editorial board’s endeavors at discovering monuments of early photography in the collections of state archives and institutions of the Russian Federation have the ultimate goal of publishing the full body of extant “metal pictures,” not only saving those from oblivion and “extinction” but also giving impulse to further and deeper research of this priceless inheritance of our cultural history.

A. V. Maximova, Chair of the Editorial Board, Director of Exhibition and Publication Programs, ROSPHOTO

О. Л. Соломина

Родовой архив Корсаковых и коллекция дагеротипов С. Н. Корсакова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки

23 декабря 1918 г. в отдел рукописей Государственного Румянцевского музея поступил родовой архив дворян Корсаковых, эвакуированный по решению библиотечного отдела Народного комиссариата просвещения из имения Тарусова, Дмитровского уезда, Московской губернии. В книге поступлений Румянцевского музея было отмечено: «Поступление 1918 г. 23.12. [Архив] Корсаковых. №№ 307–312. Передано. Помещено в д. № 3»¹. Это дом № 3 по Моховой улице, известный как Дом Пашкова, где разместился отдел рукописей Румянцевского музея.

После Октябрьских дней 1917 г. Румянцевский музей принимал многие архивы и художественные ценности из национализированных и брошенных владельцами подмосковных имений. На Тарусово обратил внимание сотрудник отдела рукописей ГРМ и член музейной коллегии Наркомпроса Н. П. Киселев, который совместно с эмиссаром библиотечного отдела Наркомпроса И. В. Ильинским с 15 по 17 октября 1918 г. посетил Тарусово и ознакомился с архивом и библиотекой Корсаковых. Чтобы защитить архив от дальнейших хищений, на двери комнат были наложены сургучные печати, а эмиссары Наркомпроса вернулись в Москву, где проявили большую настойчивость в получении средств для эвакуации архива и библиотеки. Деньги были выделены, и со 2 по 7 декабря 1918 г. И. В. Ильинский в Тарусове пакует архив и часть библиотеки (всю её увезти оказалось невозможно). В работе ему помогала правнучка С. Н. Корсакова — Софья Николаевна Корсакова, которая атрибутировала изображения, систематизировала документы. Ильинский оставил описание дома в Тарусове: «...следует отметить исключительную тщательность, доведенную до культа, с какой сохранялось поколениями Корсаковых наследие предков в виде архивов, фамильных портретов, ученических тетрадей, обстановки комнат и пр. и пр. Благодаря этому обстоятельству в Тарусском доме запечатлелась жизнь нескольких последовательно сменяющихся поколений, а потому весь дом, хранящий в себе черты той или иной эпохи, представляет безусловный интерес со

всей своей обстановкой. Наибольшую же ценность представляет, несомненно, архив»². Архив был упакован в 33 ящика, в двух из них находились бюст С. Ганемана, основателя гомеопатии, и два черепа, стоявшие на письменном столе у С. Н. Корсакова; один из ящиков был занят дагеротипами. Как пишет в отчете Ильинский: «По доставлении эвакуируемого имущества на станцию, таковое было взвешено на станционных весах, причем в нем оказалось 121 пуд»³, т. е. 1 982,06 кг.

Книги из библиотеки Корсаковых попали в основное хранение Ленинки, архив — в Отдел рукописей, причём он долгое время оставался неразобраным, лишь к середине 1930-х гг. была обработана часть, включающая переписку семьи Корсаковых середины XVIII — начала XX в., и документы, касающиеся отмены крепостного права в России и положения декабристов в Сибири.

Другая часть архива, содержащая дагеротипы, рисунки, силуэты и фотографии, поступила в обработку в начале 2000-х гг. и только с 2010 г. стала доступна исследователям. Именно этим обстоятельством и объясняется то, что дагеротипы Корсаковых до настоящего времени не были известны специалистам по истории фотографии в России.

Обратимся к создателю коллекции дагеротипов Семёну Николаевичу Корсакову (1787–1853). По характеристике, данной И. В. Ильинским, это был: «человек, под конец жизни пользовавшийся далеко за пределами его родного уезда репутацией мудрого старца, к которому приезжали за советами и беседой, — Семён Николаевич Корсаков, по оставшимся после него рукописям и книжным материалам, даже по всей обстановке его кабинета, сохранявшегося после его смерти последующими поколениями в полной неприкосновенности, представляется личностью, окутанной некоторой таинственностью, в высшей степени своеобразной и интересной»⁴.

Сын военного инженера Николая Ивановича Корсакова и родной сестры адмирала Николая Семёновича Мордвинова, Анны

С. Н. Корсаков. Усадьба Тарусово. Дагеротип. Сентябрь 1843. Кат. 101

S. N. Korsakov. A View of the Tarusovo Manor. Daguerreotype. September 1843. Cat. No. 101

Семёновны Корсаковой, он рано потерял отца: тот погиб 28 августа 1788 г. (Н. И. Корсаков при осмотре укреплений Очакова поскользнулся, упал в ров и накололся на собственную шпагу). После смерти мужа Анна Семёновна переехала к брату — Николаю Мордвинову, в его доме и получил домашнее образование Семён. В дом Мордвиновых приходили преподаватели из гимназии и Московского университета с лекциями по физике, минералогии, технологии, логике; читал курс истории Х. А. Шлецер; детей учили работать с микроскопом и другими техническими приборами.

Учение пробудило интерес к изобретательству у юного Корсакова — увлечению, коему он не изменил до конца своей жизни. В архиве хранятся составленные им записки, озаглавленные «Список моих изобретений», и одно из первых его изобретений — «Табакерка с зеркалами для определения расстояния», изготовленная им в 1812 г. Перед смертью в 1853 г. Семён Николаевич составляет записку «Что мне удалось изобрести или открыть полезного», в которой дает оценку своих изобретений, выделяя: «1. В.... году стеклянные перья конические, одобренные Академией наук.

2. Зеркальный угломер, одобренный Академией наук. 3. В 1825 мою спиральную простую лестницу. 4. В... году особенный способ наглядного изображения красками статистических и других числительных данных, облегчающих выводы результатов. 5. Определение времени особенным знаком для каждого дня в столетье, означающие (с 1824 года) год, месяц, число, день недели и приблизительно даже час. 6. Гомеопатическая карманная аптека с сухими крупинками. 7. Возможность довести гомеопатическое средство до невероятных делений. 8. Способность заражения гомеопатических крупинок через соприкосновение и трение. 9. Употребление нюхания как способа (в нередких случаях) при-искания излишнего гомеопатического средства. 10. Карманный дальномер всемерно уже в употреблении при съёмках»⁵. Как видно из этого списка, основными направлениями изобретательства были оптика, гомеопатия, информатика, фотография.

Внешне жизнь Семёна Николаевича мало отличалась от жизни рядового дворянина XIX в.: в 1805 г. поступил на службу в архив Коллегии иностранных дел, затем служил в Московском земском войске, которое возглавлял его дядя — Н. С. Мордвинов, в 1812 г. вступил в С.-Петербургское ополчение, в его составе участвовал в боевых действиях, «в сражении при реке Березине получил легкую контузию пулей в правый бок»; участвовал и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг., за что был награждён орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, орденом св. Анны 4-й степени⁶.

В 1817 г. он поступает на службу в С.-Петербурге в Министерство полиции, с 1821 г. начинает заниматься обработкой статистических сведений, статистика становится основным служебным занятием Семёна Николаевича. Обработка больших массивов информации приводит его к изобретению «машины для сравнения идей», или «идеоскопа». Основным носителем информации в этом устройстве были перфокарты, хранившиеся в специальных картотеках и автоматически сортировавшиеся по заданным признакам. В 1832 г. Корсаков посылает в Академию наук описание своего изобретения, его рассматривает специальная комиссия во главе с математиком М. В. Острогорским, и отклоняет проект. В то время интеллектуальные машины Корсакова не получили практического применения, хотя сам Семён Николаевич использовал «идеоскоп» для составления баз данных по гомеопатии⁷.

В архиве отложились многочисленные статистические материалы, которые Семён Николаевич собирал, выполняя свои служебные обязанности: таблица справочных цен в Москве за период больше двадцати лет — с 1819 по 1840 г., карты относительной населённости каждого уезда центральных губерний России, сведения о движении народонаселения по Московской епархии и др. материалы, способные заинтересовать современного исследователя. Статистические работы Корсакова легли в основу

экономической географии России; в 1847 г., оценив его заслуги, Русское географическое общество избирает Семёна Николаевича своим действительным членом⁸. 3 декабря 1842 г. Корсаков выходит в отставку в чине действительного статского советника⁹.

Семейная жизнь Корсакова сложилась гармонично: в 1818 г. он женился на Софье Николаевне Мордвиновой, дочери Николая Михайловича и Екатерины Сергеевны Мордвиновых, с которой счастливо прожил до конца своей жизни. В браке было рождено 11 детей, двое из них, к глубочайшему сожалению родителей, умерли в детском возрасте. В 1827 г. Корсаковы переезжают в усадьбу Тарусово Дмитровского уезда Московской губернии и перестраивают её по своему разумению, воспитывают детей, общаются с ближайшими соседями¹⁰. Знакомясь с архивом Корсаковых, ощущаешь силу личности Семёна Николаевича, выступающего в различных ипостасях: чиновника, изобретателя, философа, любящего отца и воспитателя. В фонде хранится стихотворение Александра Сергеевича Норова, литератора и поэта, его братья — Аврам, Василий и Дмитрий Норовы — были друзьями Корсаковых и соседями из имения Надеждино. Стихотворение озаглавлено «Домочадец» и посвящено Семёну Николаевичу Корсакову:

«Но весел муж, хранимый Богом:
Вкушает хлеб своих трудов.
И над святым его порогом,
Чредует полк сирот и вдов.
Как яблоня, царица сада,
Жена свой плод ему дала,
И как побеги винограда,
Его птенцы кругом стола.
Они растут, и с каждым годом
Семья умножилась народом»¹¹.

В 1828 г. Семен Николаевич увлекается гомеопатией, делает большие успехи в развитии этого направления медицины, лечит гомеопатическими средствами заболевших членов семьи, друзей и знакомых, окрестных крестьян. Во время больших эпидемий холеры в 1830—1831 гг. и 1847—1848 гг. Корсаков был избран дворянством на должность окружного инспектора холерных больниц в Московской губернии и, не боясь заразиться, ежедневно навещал заболевших крестьян Дмитровского уезда, лечил их гомеопатическими средствами. Корсаков развил ряд положений в гомеопатии: именно ему принадлежит способ сохранять в сахарных крупинках гомеопатические лекарства, чтобы иметь возможность брать их с собой; методика подбора лекарств при помощи нюхания; метод приготовления лекарств, так называемый способ одной пробирки. В настоящее время гомеопатические лекарства, приготовленные

«Земляк» — семейный рукописный журнал, издававшийся семьёй Корсаковых в Тарусово в 1844–1854. Июнь — декабрь 1844 “Zemlyak” [Homeboy], the in-house handwritten journal “published” by the Korsakov family at Tarusovo, 1844–1854. June — December 1844

по методу С. Н. Корсакова, широко используются во Франции и Бельгии, а сам метод приведен в гомеопатических фармакопеях США и Великобритании¹². В архиве Корсаковых хранится письмо С. Ганемана, в котором основоположник гомеопатии отмечает: «Я восхищаюсь неустанным рвением, которое позволило Вам настолько изучить наше целительное искусство гомеопатии, чтобы иметь возможность лечить членов Вашей семьи и бедняков в округе, а также с его помощью проникать в тайны природы, как Вы доказали это в своих замечательных записках»¹³. В кабинете С. Н. Корсакова стоял бюст Ганемана, присланный ему в подарок петербургским гомеопатом И. П. Миклашевским «в знак уважения новых молодых учеников Ганемана к одному из самых ревностных и искренних последователей его»¹⁴.

Увлечение гомеопатией поддерживало и младшее поколение Корсаковых. В архиве сохранились документы о попытке создать в 1859 г. Русское гомеопатическое общество: прошение на имя министра внутренних дел С. С. Ланского, объяснительная записка врачей-гомеопатов, проект устава Русского гомеопатического общества. Среди подписавших в числе первых следуют имена сыновей С. Н. Корсакова — Сергея и Александра¹⁵.

Семён Николаевич увлекался изучением естественных и физических наук. В усадебном доме в Тарусово был оборудован физический кабинет с телескопом, электрической машиной, приборами для проведения физических и химических опытов, изготовленными по чертежам Корсакова. Согласно списку, хранящемуся в архиве, среди оборудования домашней лаборатории в 1848 г. числились предметы домашней обсерватории и фото-лаборатории: «...2. Телеграф. 3. Обсерватория небесная; 5. Камера обскура наружная; 6. Камера обскура внутренняя; 4. Камера обскура солнца и месяца; 7. Солнечный микроскоп, или камера обскура микроскопическая; 9. Разложение света призмой; 10. Зрительная труба; 11. Еолова арфа; 12. Ветряная труба; <...> 14. Эхо; 15. Телескоп»¹⁶.

По документам, хранящимся в фонде Корсаковых, можно проследить путь, приведший Семёна Николаевича к занятиям фотографией. Он с молодости увлекался рисованием и живописью, брал уроки у профессиональных художников. В фонде имеются его рисунки архитектурных памятников Москвы и её окрестностей первого десятилетия XIX в.; многочисленные зарисовки, сделанные во время службы в ополчении 1812 г., рисунки городов, которые он посещал во время сбора статистических сведений в 1820—1835 гг.¹⁷ Сохранились рисунки Семёна Николаевича, относящиеся к перестройке усадебного дома в Тарусове. Рисунки Корсакова демонстрируют его стремление к документальной чёткости изображаемого объекта, тщательную проработку деталей. Для того чтобы создавать документально точные рисунки,

Неизвестный автор. Портрет Н. Н. Львовой. Калотипия. Конец 1850-х
Unknown. Portrait of N. N. Lvova. Calotype. Late 1850s

Корсаков обращается к использованию оптики и света при их создании. Уже в 1810-х гг. он начинает экспериментировать с камерой-обскурой. Так, в записной книжке, озаглавленной «Смесь, или выписки из книг и журналов, разнородных замечательных произведений и данных», Семён Николаевич, комментируя выписки из французского журнала об изобретении Дагера в 1839 г., добавляет: «Ещё в 1817 живучи в доме Канчева против Каменного театра [в С. - Петербурге], приходила мне мысль сделать постоянным изображение в камер-обскур, посредством действия света на бумагу, покрытую раствором солекислого серебра (muriate D’argent), но проведённые мною тогда же опыты были совершенно безуспешны»¹⁸.

Хочется отметить, что увлечение механическими и оптическими приспособлениями для получения изображения было характерно для тогдашнего общества. Можно предположить, что Семён Николаевич при рисовании пользовался и камерой-люсидой. Прибор был запатентован в 1806 г. английским физиком Вол-

ластоном и представлял собой призму, через которую проходят лучи света, отражаясь в наклонном зеркале, они дают изображение предмета на бумаге. С помощью камеры-люсиды можно было получить правильное построение перспективы и добиться наибольшего сходства с видимым объектом. И хотя среди описания приборов кабинета Корсакова этот прибор не упоминается, в домашнем журнале «Земляк» есть заметка о визите в Тарусово соседей и показе художественных работ, сделанных с помощью камеры-люсиды Семёном Николаевичем¹⁹.

В начале 1820-х гг. в российском обществе было распространено изготовление силуэтов с помощью рисовальной машины, или силуэтографа. Рисовальная машина представляла собой полупрозрачное стекло и пантограф, автоматически уменьшавший контуры изображённого. Силуэт, полученный таким способом на чёрной бумаге, наклеивали на белый фон, помещали под стекло и окантовывали в рамку. Иногда помещали несколько силуэтов в одну рамку. Корсакову был близок такой подход к рисованию, и он начинает заниматься изготовлением силуэтов окружающих его людей. В доме Корсаковых появляется рисовальная машина²⁰. В фонде Корсаковых хранится 841 силуэт, изготовленный несколькими поколениями Корсаковых, в том числе чёрные силуэты в рамках, а также силуэты, выполненные на белой бумаге — заготовки к портретам. Большая часть силуэтов подписана — кто изображён и соотношение изображения с истинными размерами портретируемого. Сохранился список лиц, с которых сняты силуэты, составленный С. Н. Корсаковым в 1824 г. В этом списке перечислены более 50 родных и близких: Мордвиновы, Муравьёвы, Столыпины, учителя, гувернантки, няни и др.²¹ Занимались изготовлением силуэтов и дети Корсаковых — Сергей²² и Наталья, а также внуки. Силуэты, хранящиеся в фонде Корсаковых, делались и в 1840-е — 1850-е гг., одновременно с изготовлением дагеротипов, — по-видимому, силуэтное изображение предполагалось дополнением к изображению, полученному на дагеротипе.

Начало 1839 г. принесло известие об изобретении дагеротипа, что произвело сильное впечатление на Семёна Николаевича. В его записной книжке имеется выписка из № 2 «Отечественных записок» за февраль 1839 г. об изобретении дагеротипа: «Верность дагеротипа удивительная микроскопическая: часть Парижа была сделана на доске величиной в квадратный полуаршин. Можно себе представить, до какой степени в сем размере были уменьшены внешние предметы; несмотря на то, при наведении микроскопа на некоторые пункты этой картины с удивлением заметили, что на отдельных домах можно было прочесть имя хозяина и другие надписи, обыкновенно на домах бывающие»²³. Изобретение дагеротипа вдохновило Корсакова на самостоятельное занятие дагеротипией. Не случайно уже в 1840 г. в его кабинете появляется

Неизвестный автор. Портрет В. С. Корсакова. Калотипия. Начало 1850-х
Unknown. Portrait of V. S. Korsakov. Calotype. Early 1850s

новый аппарат, которым он снимает членов своей семьи, друзей и соседей, усадьбу. К сожалению, не удалось установить, каким именно аппаратом пользовался Корсаков, но, зная его творческую жилку, можно предположить, что в конструкцию аппарата и методику проведения съёмок им тоже были внесены изменения. Вероятно, использовались все 3 камеры обскуры, находившиеся в его кабинете. Бытописатель Тарусова, один из сыновей — одиннадцатилетний Александр Корсаков, пишет в дневнике 5 апреля 1841 г.: «Папенька снимал самым большим дагеротипом маменьку и Наташу, но ему не удалось»²⁴. Приступая к работе, Корсаков опирался на публикации об изготовлении дагеротипов, а также консультировался с дагеротипистами, которые уже заявили себя как профессионалы.

В начале 1840-х гг. состоялось знакомство Семёна Николаевича с первыми дагеротипными мастерами, работавшими в Москве, о чём свидетельствуют соответствующие записи в дневнике Алек-

сандра Корсакова. Например, запись от 26 мая 1842 г.: «Папенька возил меня к Шмиту, где снимают дагеротипные портреты»²⁵. Фамилия «Шмит» выводит нас на известную в Москве дагеротипную мастерскую, в которой работали химик Ф. Шмидт и его друг Алексей Греков²⁶. Имя Грекова неоднократно упоминается в записных книжках С. Н. Корсакова в 1842 г., где он отмечал, что надо сделать во время пребывания в Москве: «А. Ф. Грекову, пластины, дагерот[ипное] завед[ение] осмотр», и в следующий визит: «Снаряд. гальванопластинок у Грекова»²⁷. Можно предположить, что именно Греков и приезжал в Тарусово консультировать Корсакова в июне 1842 г. Об этом визите имеются записи в дневнике Александра: «16 июня. Приехал дагеротипный мастер, который учил папеньку снимать дагерротипом»²⁸. Далее в записях от 18 июня: «Дагеротипный мастер много учил папеньку, как надо обходиться с бромом»²⁹; «19 июня. Дагеротипный мастер у нас всё оставался. Папенька сказал, что даст ему стекло (которое тому очень нравилось), ежели он сделает хорошую семейную картину. Дагеротипный мастер сделал две довольно хорошие. Папенька подарил ему стекло»³⁰. К сожалению, на сохранившихся дагеротипах нет отметок об изготовлении их Грековым.

Приезжая в Москву и Петербург по долгу службы и по семейным делам, Корсаков обязательно пополняет запас реактивов и пластинок для дагеротипов, приобретает новую литературу, знакомится с работами дагеротипистов. Зимой 1841 г., приехав в Петербург устраивать сына Михаила в учебное заведение, Семён Николаевич в магазине Шеделя покупает пластинки и стёкла, приобретает у Замаева пластинки, а также химикаты³¹. Во время поездки в Москву в мае 1842 г. он посещает магазин К. А. Бекерса, в котором приобретает «...пластинки французские — 10 [штук], дагер. вид Кремля»³², — по-видимому, имеется в виду раскрашенное и отретушированное изображение Кремля, сделанное по дагеротипу Леребура 1842 г. Тогда же у Грекова предполагается купить «снаряд гальванопластинок и железные чашечки». Зимой 1846–1847 гг. Корсаков ездил в Петербург и отметил для себя задачи: «...дагеротип и проч.; к Якоби узнать о его способе без стекла; у Шеделя снимки с мало фок. апламатические; сотню хорошо выполирован. пластинок по образчику»³³.

Корсаков выписывает литературу, посвящённую изготовлению дагеротипов, следит за новинками в этой области, приобретает издания, выходявшие не только в России, но и за границей. Как только в России появляется брошюра с описанием процесса дагеротипии, она оказывается у Корсакова. При подготовке к упомянутому путешествию зимой 1841 г. в Петербург для устройства сына Михаила Корсаков делает следующую запись в записной книжке: «Книги: о фотографии новое»³⁴. В каталоге библиотеки Корсакова, составленном перед его смертью, в 1853 г., числятся

53 издания по технике изготовления дагеротипов и фотографии на русском, немецком, французском, английском языках, вышедшие в 1839–1853 гг. Среди них: брошюры Л. Ж. Дагера, вышедшие в Париже и Лейпциге в 1839 г., русские издания «Светопись» и «Описание употребления дагеротипа» (М., 1839), «Популярный трактат об искусстве фотографии», изданный в 1841 г. в Глазго; брошюры с описанием процессов изготовления дагеротипов 1842 и 1843 г., вышедшие в Париже, Лондоне и Лейпциге; многочисленные издания по этому вопросу, появившиеся в 1844–1853 гг.; 11 выпусков журнала «Mechanics’ Magazine», издававшегося Робертсоном в Лондоне, за 1846–1853 гг.³⁵.

К 1840 г. относится знакомство Корсакова с художником К. П. Мазером, который разделил увлечение Семёна Николаевича дагеротипией и впоследствии открыл ателье по изготовлению дагеротипов. Мазер стал ближайшим консультантом Корсакова по дагеротипии, другом дома, до последних дней своей жизни сохранившим дружеские отношения и с детьми Корсаковых.

Первоначально съёмки проходили в кабинете у Семёна Николаевича, а с наступлением тёплой погоды — на улице перед домом. С 1842 г. семейная лаборатория была устроена в деревянной избушке, своеобразном садовом павильоне усадьбы. «Напротив избушки, где снимали дагеротипом, был луг увеселений с гимнастическими приспособлениями»³⁶. Зимой съёмки проходили в доме — в гостиной и в кабинете Семёна Николаевича. Объектами для съёмок были семья Корсаковых, усадебный дом в Тарусове, родственники и соседи. К тому времени, когда Семен Николаевич увлёкся дагеротипами, три старших сына уже учились в Петербурге, поэтому каждый их приезд в родной дом обязательно запечатлён на пластине. Любимая модель — жена Софья Николаевна, которая, несмотря на занятость ведением домашнего хозяйства, никогда не отказывалась посидеть перед объективом. Двоюродный брат Софьи Николаевны Николай Николаевич Муравьёв называл её «Софья Посадница»³⁷, и дошедшие до нас изображения подтверждают его шутиливую характеристику.

Созданием дагеротипов в основанной Семёном Николаевичем Корсаковым лаборатории имения Тарусово занимались все: его сыновья, дочери, учителя и воспитатели детей. Дети сами чистили металлические пластинки, делали паспарту для дагеротипов. Первым помощником Семёна Николаевича был сын Сергей, приехавший из Петербурга в отпуск летом 1842 г. Молодой подпоручик помогал Семёну Николаевичу и пробовал заниматься съёмкой сам. «Серёже дали комнату, чтобы он в ней занимался дагерротипом», — написал Александр Корсаков в дневнике 21 июня 1842 г.³⁸ В фонде не сохранилось снимков того года, подписанных Сергеем Корсаковым. После возвращения старшего брата в Петербург главным помощником отца становится Александр. Двенадцати-

С. С. Корсаков. Силуэты З. Ф. Соколовой, М. Мазера и Н. Н. Ивашовой. Начало 1830-х
S. S. Korsakov. The Silhouettes (Profiles) of Z. F. Sokolova, M. Mazer and N. N. Ivashova. Early 1830s

летний мальчик увлёкся процессом изготовления дагеротипов, составил его подробное описание, активно участвовал в съёмке. Сохранилась лишь одна пластинка этого периода с его изображением. По-видимому, Александру больше нравилось снимать, а не позировать. В своём дневнике он описывает процедуру съёмки, которую проводит отец в августе 1844 г.: «Суббота 5 августа. К нам приехала Бугаевская³⁹ с воспитанницей своей Липочкой [Олимпиадой]. Девочка довольно хорошенькая. Она скоро подружилась с Анненькой [Корсаковой] и все время гуляла с ней в саду. 6 августа. Папенька хотел снимать Липочку дагеротипом, но резвушка не сидела смирно, и так как погода была пасмурная, то нельзя было делать слишком скоро. Однако 2 портрета довольно хорошо удались, и Бугаевская взяла их с собой. 16 августа. Приехал из Москвы Ф. Я. Блумер⁴⁰, он прежде владел Тарусовым. 20 августа. Папенька занялся дагеротипом и начал снимать портреты с Блумера и Миши [Корсакова], они не очень удовлетворительны, но некоторые вышли препорядочно»⁴¹.

Через четыре года, в 1846 г., Александра, как ранее его старших братьев, отправят в Петербург для получения образования, и Семёну Николаевичу начнут помогать в съёмках оставшиеся дома дочери Вера с Натальей и сыновья Владимир с Алексеем. К 1847 г. в Тарусове складывается довольно большой фотоархив — 7 ящиков с дагеротипами работы Семёна Николаевича⁴². К этому времени съёмочная площадка возвращается в кабинет Семёна Николаевича на втором этаже тарусовского дома. Вот как описывается кабинет в

заметке «Хорошо в Тарусове» в журнале «Земляк: «Поднимитесь вверх по круглой лестнице, и вы окажетесь в святилище науки: там в маленьком кабинете найдёте вы полные полки книг и картинок; на стене: портреты всех тех, которых любит Тарусово, и микроскоп, и аптеку, и дагеротип, и много редкостей найдёте и камелёк, зовущий погреться... Пусто ли в голове? Жаждете ли суждений, пищи для ума? Потолкуйте с папенькой и вам откроется новый мир»⁴³.

Увлечённость Корсакова съёмками нашла отражение на страницах домашнего семейного журнала «Земляк», который издавали дети Корсаковых в 1844–1854 гг. В журнале описывались события повседневной жизни семьи Корсаковых, новости соседей, так называемые «заграничные новости». Журнал вёл сначала Александр Корсаков, приезжая в отпуск, писали свои заметки Михаил и его друг, сын ближайшего соседа Корсаковых, Владимир Безобразов, после отъезда Александра в Петербург этим занимались Наталья, Вера, Владимир Корсаковы. В журнале регулярно появлялись сведения о съёмках. Вот записи за 1844 г.: «1–8 июля. Папенька принялся тоже за свой дагеротип и снял портрет учителя [Алексея Петровича Субботина], но довольно темно вышло. 19–26 июля. Снимали дагеротипом портрет Наташи [Корсаковой], её нарядили тиролькой, в чёрной круглой шляпе, и дали ей в руки гитару — только портрет не удался. 16–23 сентября. Папенька снимал дагеротипом портрет Анны Павловны [Коробовой], но неудачно»⁴⁴. В выпусках за 1845 г.: «27 мая. Папенька принялся за дагеротип и, поймав Василия Сергеевича [Норова] в

саду, снимал его портрет возле избушки»⁴⁵. В выпусках за 1846 г.: «30 января 1846 г. Нарушена тишина больших зеркал — дагеро-типом»⁴⁶. Дагеротипы, снятые Семёном Николаевичем, актив-но раздавались и дарились родным и знакомым, которые часто приезжали в Тарусово. Осенью 1848 г. там гостила семья Николая Николаевича Муравьёва с женой и детьми. Этот визит нашёл отражение на страницах «Земляка»: «19 октября. Тетушке [Наталье Григорьевне Муравьёвой] показывали папенькины дагеротипы, и она отобрала себе несколько, а именно: портреты Николая, маменьки, папеньки, Веры и Наташи»⁴⁷. Приехав в отпуск в январе 1848 г., возобновил свои фотографические опыты Сергей Корсаков: «30 января. 1848 г. Серёжа снимал дагеротипом портреты Валериана [Муравьёва] и Миши [Корсакова]. 26 февраля. Серёжа опять занимался дагеротипом, но всё неудачно. 28 февраля. Утром Серёжа опять занимался дагеротипом, и Леля [Алексей Корсаков] вышел у него особенно удачно»⁴⁸.

Сын Семёна Николаевича Михаил участвовал в фотографиче-ских сеансах, как правило, в качестве модели, ценил и уважал увле-чение отца. Отправившись в Сибирь служить под началом своего родственника Н. Н. Муравьёва, он в марте 1852 г. организует там подписку среди сослуживцев на «дагеротипный портрет Н. Н. Муравьёва [графаАмурского] по 10 р. 50 к. серебром». Собравденьги на 17 карточек, он отсылает заказ из Иркутска в С.-Петербург в магазин Венингера. Судя по отметкам на документе, изображения были получены⁴⁹. В архиве Корсаковых сохранилось изображение Н. Н. Муравьёва, изготовленное в фотоателье Венингера в 1852 г., это раскрашенная гравюра с дагеротипа⁵⁰.

К концу жизни Семён Николаевич начинает терять зрение, одолевают его и другие болезни. В 1852 г. выходит в отставку его сын Сергей и приезжает в Тарусово, чтобы помогать родителям вести дела по имению. К этому времени с родителями живут только дочери и младший сын Алексей. Последние дошедшие до насдагеротипы были сделаны, вероятно, Сергеем и Никодимом Францевичем Буцко, учителем молодых Корсаковых⁵¹.

Несмотря на нездоровье, Семён Николаевич внимательно следил за развитием фотографии. Как только появляются све-дения о получении изображения на бумаге, младшие Корсаковы под руководством отца начинают проводить опыты. «Серёжа и Алёша засели за фотографию, весь стол заставили банками и со-судами, всё утро весили что-то на весах и собирались решительно заниматься этим» — такая запись сделана в журнале «Земляк» от 23 апреля 1853 г.⁵²

В архиве Корсаковых хранятся несколько фотографий на бу-маге — позитивов и негативов начала 1850-х гг. Сохранившиеся снимки — копии с гравюр, рисунков, портретов; одна из них под-писана — это фотография с дагеротипа Веры Черкесовой с надпи-

сью карандашом: «Дорогому папеньки Алёша». Имеется негатив с картины неустановленного автора сдатой «апреля 25 853», — по-видимому, результат совместного труда Сергея и Алексея³³.

После смерти Семёна Николаевича, последовавшей 1 дека-бря 1853 г., никто из детей не продолжил его фотографические опыты — кабинет-лаборатория был превращён в музей, в ко-тором все вещи и приборы остаются на тех же местах, как при его жизни. Уникальная домашняя фотолаборатория дожила до 1920 г., когда сгорела вместе с тарусовским усадебным домом. Частично сохранилась библиотека, ранее состоявшая из 7 тысяч книг — 837 экземпляров было вывезено в Москву в 1918 г., они сейчас находятся в РГБ; в 1925 г. 2465 книг поступило в библиотеку Дмитровского музея.

Публикация коллекции дагеротипов Корсаковых, 100 лет ле-жавшей в недрах Российской государственной библиотеки, по-зволит расширить наше представление о раннем этапе русской фотографии и познакомит с неординарной личностью — изобре-тателем Семёном Николаевичем Корсаковым, даст представление о повседневной жизни русской усадьбы и её обитателей.

¹ Архив РГБ. Оп.25. Д. 52. Л. 3.

² Там же. Оп. 1. Д. 812. Л. 308.

³ Там же. Д. 812. Л. 309 об.

⁴ Там же. Д. 812. Л. 307 об.

⁵ ОР РГБ. Ф. 137. К. 167. Ед. хр. 26. Л. 1.

⁶ Там же. К. 147. Ед. хр. 9.

⁷ См. подробнее: Karsakof S. Apercu d’procede nouveau d’investigation au moyen de machines a comparer les idees. St. Peterbourg, 1832. 22 p.; Радовский М. И. Из истории вычислительных устройств: «Интеллектуальные машины» С. Корсакова (по архивным материалам АН СССР) // Историко-математические исследования. Вып. 14. М., 1961. С. 551–586; Поваров Г. Н. Истоки русской кибернетики. М., 2005. С. 20.
⁸ См.: ОР РГБ. Ф.137. К. 162. Ед. хр. 25. Л. 1. Уведомление Русского Географического Общества об избрании Семёна Николаевича Корсакова действительным его членом от 8 февраля 1847 года. На печатном бланке с подписью-автографом председателя Совета РГО Фёдора Петровича Литке.

⁹ ОР РГБ. Ф.137. К. 147. Ед. хр. 9.

¹⁰ Подробно об усадебной жизни семьи Корсаковых см.: Фатуева Л. А. Милое Тарусово, как не любить тебя! // Русская усадьба. Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 13–14 (29–30). М., 2008. С. 742–839.

¹¹ ОР РГБ. Ф.137. К. 176. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

¹² Патудин А. В., Мищенко В. С. Летопись российской гомеопатии (1824–1995). М., 2015. С. 43–44.

¹³ ОР РГБ. Ф.137. К. 79. Ед. хр. 10. Л. 1. (Письмо С. Ганемана от 7 марта 1832 г.; пер. с фр. яз. В. И. Бурцевой).

¹⁴ Там же. К. 245. Ед. хр. 2. Л. 587.

¹⁵ Там же. К. 224. Ед. хр. 36. 37.

¹⁶ Там же. К. 259. Ед. хр. 34.

¹⁷ Там же. К. 270. Ед. хр. 2, 3, 4. (Виды, рисунки, чертежи в окрестностях Москвы, Брон-ницах, Смоленске, Дмитрове, Твери и окрестностях. 1805–1835 гг.).

¹⁸ Там же. К. 14. Ед. хр. 9. Л. 96. — В 1817 г. С. Н. Корсаков снимает дом у владельца Канчева, находящийся рядом с домом его дядюшки — Н. С. Мордвинова (Театральная площадь, угол Никольской улицы). В начале 1818 г. Семён Николаевич знакомится с будущей женой — Софьей Николаевной, свадьба проходит в доме Н. С. Мордвинова. Вскоре семья Мордвиновых уезжает за границу, а С. Н. Корсаков с молодой женой и матерью занимают 2-й этаж особняка Мордвиновых.

¹⁹ «7 августа 1847 г. Приехали к чаю в Тарусово А. М. Анастасьев и живописец Зубов, который привёз показать папеньке несколько портретов красками своей работы. Между ними был портрет и А. М. Зилова, только очень en beau, даже так en beau, что он выглядел чуть-чуть не красавцем, а однако же черты лица были его. Также были портреты карандашом, сделанные посредством камер-люсиды, то были портреты А. П. Сол[овьева] и Мих[ихаила] Пав[авловича] Савелова, оба весьма схожие» (ОР РГБ. Ф. 137. К. 245. Ед. хр. 2. Л. 228).

²⁰ См. запись в журнале «Земляк»: «23 февраля 1848 г. Наташа принялась вечером у Серёжи в комнате за силуэты; достала от папеньки силуэтограф и стекло выпуклое и ну рисовать по тени — всех мальчиков» (ОР РГБ. Ф. 137. К. 245. Ед. хр. 2. Л. 555). Прибор дожил до конца XIX в., им пользовались потомки С. Н. Корсакова.

²¹ ОР РГБ. Ф. 137. К. 28. Ед. хр. 20.

²² Сергей Корсаков проявил большие способности в изготовлении силуэтов. Так, в письме воспитанницы Корсаковых Н. Чистосердовой от 18 июня 1837 г. содержится просьба к нему: «…мне хочется иметь покудова папенькин, маменькин и обеих бабушек портреты, а вы большой мастер снимать силуэты: то сделайте одолжение — подарите меня или вместо обещанных вами мне в прошлом году силуэтов моего, Надежды Пав-ловны и Марии Павловны. Я бы попросила вас снять силуэты и со всех детей, но зная, что эта работа отнимет у вас вдруг много времени, я такуюю просьбу мою оставляю до другого раза, несмотря на сильное желание мое иметь вас всех перед своими глазами» (см.: ОР РГБ. Ф. 137. К. 121. Ед. хр. 33).

²³ Там же. К. 14. Ед. хр. 9. Л. 96 об.

²⁴ Там же. К. 45. Ед. хр. 1. Л. 41.

²⁵ Там же. Ед. хр. 5.

²⁶ О работе мастерской А. Грекова подробно писала исследовательница Т. Н. Шипова. См.: Шипова Т. Н. Московские последователи Дагера // Дагеротип в России. Том IV. Со-брание Государственного литературного музея / авт.-сост. Т. Н. Шипова, Т. Ю. Соболь. СПб., 2016. С. 10–21.

²⁷ ОР РГБ. Ф.137. К. 14. Ед. хр. 2. Зап. кн. 1. Л. 5, 16 об.

²⁸ Там же. К. 45. Ед. хр. 5.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. К. 14. Ед. хр. 2. Зап. кн. 3. Л. 60б., 12 об.

³² Там же. Зап. кн. 4. Л. 14 об.

³³ Там же. Зап. кн. 3. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 13 об.

³⁵ Там же. К. 174. Ед. хр. 16. Л. 35–36.

³⁶ Там же. К. 245. Ед. хр. 2.

³⁷ Там же. Ед. хр. 3. Л.142.

³⁸ Там же. К. 45. Ед. хр. 4.

³⁹ Возможно, это Мария Трофимовна Бугайская, владелица села Быково (см.: ОР РГБ. Ф. 137. К. 157. Ед. хр. 6. Л. 2. («Алфавитный список Дмитровского уезда имениям и ду-шам с показанием владельцев каждого поименно по настоящей 7 ревизии [1815 г.]»)). Список составлен С. Н. Корсаковым в 1830–1840-х гг.).

⁴⁰ Усадьба была куплена у Марии Ивановны Блумер, имеется в виду её сын Фредерик, ровесник Михаила Корсакова.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 137. К. 46. Ед. хр. 3. (Дневник Александра Семёновича Корсакова.

12 июля — 30 декабря 1844 г.).

⁴² См: Там же. К. 245. Ед. хр. 2. Л. 184. (Запись в журнале «Земляк» 14 июля 1847 г.: «После ужина у папеньки в кабинете долго старшие [дети] рассматривали все даге-ротипные портреты папенькиной работы, целые семь ящиков, и очень было весело перебирать их»).

⁴³ Там же. Л. 5. (1847 г.).

⁴⁴ Там же. К. 244. Ед. хр. 3. Л. 23, 55 об., 75 об.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 4. Л. 29.

⁴⁶ Там же. К. 245. Ед. хр. 2. Л. 522.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 3. Л. 130 об.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 2. Л. 507, 557, 559.

⁴⁹ Там же. К. 103. Ед. хр. 35. Л. 1, 3.

⁵⁰ Там же. К. 288. Ед. хр. 25.

⁵¹ См: Там же. К. 246. Ед. хр. 3. Л. 87 об. (Запись в журнале «Земляк» 22 февраля 1853 г.: «Серёжа и Никодим Францевич занимались усердно дагерротипом»).

⁵² Там же. Л. 105.

⁵³ Там же. К. 168. Ед. хр. 2. Л. 12–22.

O. L. SOLOMINA

The Korsakovs’ Family Archive and S. N. Korsakov’s Daguerreotype Collection at the Manuscripts Department of the Russian State Library

The family archive of the Korsakovs, noble landowners from Moscow Province, was transferred to the Manuscripts Department of the Rumyantsev Museum on December 23, 1918, from their country seat, the Tarusovo estate, Dmitrov District. This was a decision of the Library Section of the People’s Commissariat (Ministry) of Education. The following record appeared on the Rumyantsev Museum’s accession books: “Acquisition 1918, 23.12. [Archive] of the Korsakovs. ##307–312. Transferred. Consigned to house #3.”¹ This building, known as Pashkov’s House, at 3 Mokhovaya St was at the time the home of the Manuscripts Department of the Rumyantsev Museum.

In the aftermath of the October Revolution of 1917, the Rumyantsev Museum acquired many family archives and valuables from nationalized and abandoned estates around Moscow. Tarusovo caught the eye of an employee of the Manuscripts Department of the State Russian Museum, N. P. Kiselev, who also was on the Museum Board of the Ministry of Education. He, along with his colleague, I. V. Ilyinsky, an emissary of the Library Section of the Ministry, visited Tarusovo from October 15 through 17, 1918, and took a closer look at the Korsakovs’ archive and library. To protect the archive from thieves, the doors were secured with wax seals; the emissaries promptly returned to Moscow and were so persuasive in their arguments for immediate evacuation of the archive and library that the Ministry allocated funds for the evacuation on the spot. I. V. Ilyinsky spent a week (December 2 through 7, 1918) in Tarusovo packing the archive and part of the library (it turned out to be impossible to haul the entire library). Semyon Korsakov’s great-granddaughter, Sofia Nikolaevna Korsakova, helped him in this job. She annotated pictures and systematized papers. Ilyinsky left us a note describing the house at Tarusovo: “...one should note that exceptional thoroughness, magnified into a cult, with which generations of the Korsakovs preserved the inheritance of their predecessors in the form of archives, family portraits, student notebooks, interior decorations, etc., etc. Thanks to this circumstance, the lives of several consecutive generations left detailed records in the Tarusovo house. And this rendered the house, bearing the traits of this or that historical period,

and everything in it very, very interesting. The most valuable part is, undoubtedly, the archive.”² The archive was packed in thirty-three boxes; two of them housed a bust of S. Hahnemann, father of homeopathy, and two human skulls that used to stand on S. N. Korsakov’s desk. One box was filled with daguerreotypes. Ilyinsky noted in his report: “The evacuated property was delivered to the [railroad] station, it was weighed on the station’s scales, and had in it 121 poods,”³ i.e., 4,370 lbs.

The books from the Korsakovs’ library ended up in the main storage of the Russian State Library, their archive inside the Manuscripts Department—and it remained unsorted for a long time. Only in the mid-1930s, a part of it—including the Korsakovs’ letters from the mid-eighteenth century through the beginning of the twentieth century and the papers related to the abolition of serfdom and the Decembrists’ life in Siberia—was systematized.

Another part of the archive, one with daguerreotypes, underwent categorization in the early 2000s, and researchers got access to it only in 2010. This explains why the Korsakovs’ daguerreotypes have been unknown to Russian photography specialists until very recently.

Let’s meet the founder of the daguerreotype collection, Semyon Nikolaevich Korsakov (1787–1853). According to I. V. Ilyinsky, he was “a person who, by his life’s end, had a reputation of a wise old man that extended far beyond his native district and to whom people came for advice and just to talk—Semyon Nikolaevich Korsakov, judging by the manuscripts and printed material he left behind, even by the interior design of his study, preserved intact by later generations, appears to us as a personality extremely original and interesting, somewhat surrounded by a cloud of mystery.”⁴

He was born to military engineer Nikolay Ivanovich Korsakov and Anna Semyonovna Mordvinova, sister of Admiral Nikolay Mordvinov, and lost his father at a very young age: Nikolay Ivanovich accidentally died on August 27, 1788, while inspecting Ochakov’s fortifications (slipped into a moat and fell on his own sword). After her husband’s death, Anna Semyonovna settled with her brother, Nikolay Mordvinov. In Mordvinov’s house, Semyon received his education. Instructors

Неизвестный автор. Усадьба Тарусово. Акварель. 26 августа 1854

Unknown. A View of the Tarusovo Manor. Watercolour. August 26, 1854

from a local gymnasium, professors from Moscow University visited Mordvinov’s house to give lectures on physics, mineralogy, technology, and logic. Christian von Schlözer read a course in history. Children learnt to work with a microscope and other scientific instruments. His studies developed in young Semyon a penchant for invention, a vocation that he stuck to throughout his life. The family archive holds his notes entitled *List of My Inventions* and one of his first inventions, *A Snuffbox with Mirrors for Measuring Distances*, designed in 1812. Shortly before his death, in 1853, Semyon Nikolaevich writes a note, *The Good*

Things I Managed to Invent or Discover, where he sums up his inventions, enumerating: “1. In..., glass pen tips, conical, approbated by the Academy of Sciences. 2. Optical square, approbated by the Academy of Sciences. 3. In 1825, my simple spiral stairs. 4. In..., an original method for designating with colors statistical and other numerical data, facilitating data output. 5. Notation for time, with a special symbol for each day in century that indicates (beginning 1824) the year, month, day of the week, and even, approximately, hour of the day. 6. Pocket-size homeopathic kit, with dry globules. 7. Method to dilute a homeopathic

Неизвестный автор. Портрет Н. С. Бакуниной и С. П. Безобразовой.

Калотип. 1860-е

Unknown. Portrait of N. S. Bakunina and S. P. Bezobrazova.

Calotype. 1860s

medicine to incredibly infinitesimal doses. 8. Ability of homeopathic globules to get infected via contact and friction. 9. Use of smelling as a way (quite frequently) to find an extra homeopathic remedy. 10. Pocket range meter, already widely used for land surveys.”⁵ We can infer from this list that Korsakov major interests lay with optics, homeopathy, informatics, and photography.

On the outside, Semyon Nikolaevich’s life was not that different from the life of an ordinary noble landowner of the nineteenth century: in 1805, he began working in the archives of the Collegium of Foreign Affairs; then he served with the Moscow regional troops, under the command of his uncle, N. S. Mordvinov. In 1812, Korsakov joined St. Petersburg’s militia and saw some action, “got a bullet contusion in the right flank at the Battle of the Berezina River.” He took part in the foreign campaigns of the Russian Army

in 1813–1814, for which he received the orders of St. Vladimir, 4th class with ribbon, and St. Anna, 4th class.⁶

In 1817, Semyon Korsakov began his career with the Ministry of Police, and in 1821 he got into processing of statistical data, which eventually became his main occupation at the Ministry. Processing of large chunks of data led him to the invention of a “machine for comparing ideas,” or “ideoscope.” Its primary data medium was punched cards, stored in specialized card files and automatically sorted by certain criteria. In 1832, Korsakov sent a description of his invention to the Academy of Sciences. A special commission, presided by mathematician M. V. Ostrogorsky, examined and eventually declined the project. Korsakov’s intellectual machines did not find any practical use at the time, although Semyon Nikolaevich himself used the “ideoscope” for keeping a homeopathic database.⁷

The archive features numerous statistical documents accumulated by Korsakov in the line of duty: a price reference table for the city of Moscow for the period spanning more than two decades, from 1819 through 1840, population density maps for each district in the Russian central provinces, information about people’s migration within the Moscow eparchy, and other materials that, obviously, should be of interest to a contemporary researcher. Semyon Korsakov’s statistical works laid a foundation of economic geography of Russia. In 1847, in appreciation of his input, the Russian Geographic Society elected Semyon Nikolaevich its actual member.⁸ Korsakov retired from the public service on December 3, 1842, in the civil rank of actual state councilor.⁹

Semyon Korsakov lived a harmonious family life: in 1818, he married Sofia Nikolaevna Mordvinova, daughter of Nikolay Mikhailovich and Ekaterina Sergeevna Mordvinov, and lived with her in happiness until his last day. They had eleven children together; two of them died as infants to the great sorrow of their parents. In 1827, the Korsakovs moved to the Tarusovo estate, Dmitrov District, Moscow Province, and rebuilt the Tarusovo manor to their taste. They lived in this house on a permanent basis, brought up their children in it, communicated actively with their nearest neighbors.¹⁰ While getting acquainted with the Korsakovs’ archive, one cannot but feel the power of Semyon Korsakov’s personality manifested in the roles he played throughout his life: a civil servant, an inventor, a philosopher, a loving and caring father. There is a poem among the archive papers, composed by Alexander Sergeevich Norov, a poet and a literator. His brothers, Avram, Vasily and Dmitri Norov, were friends with the Korsakovs and their neighbors from the Nadezhdino estate. The poem is named *A Family Man* and dedicated to Semyon Nikolaevich Korsakov:

Неизвестный автор. Портрет В. С. Корсакова. Калотип. 1850-е

Unknown. Portrait of V. S. Korsakov. Calotype. 1850s

But merry is the man, watched over by God:
As he partakes the fruit of his labor.
And over his sacred threshold
The hosts of orphans and widows alternate.
Like an apple-tree, queen of garden,
His wife her fruit has given him,
And like shoots of grapevines,
His nestlings are sitting around his table.
They are growing up, and by the year
The family keeps adding folks.”¹¹

In 1828, Semyon Korsakov took up homeopathy and was successful in bringing this alternative medicine to a new level. He treated with homeopathic remedies members of his own family, friends and acquaintances, as well as peasants from neighboring villages. During

the major cholera outbreaks of 1830–31 and 1847–48, Korsakov was elected by the local nobility regional inspector of the cholera hospitals of Moscow Province, which he fearlessly visited on a daily basis ensuring proper care for sick peasants of the Dmitrov District. He also treated them with his homeopathic medicines. He is the developer of a number of methods in homeopathy: a method of medicating sugar granules, allowing patients to take their medicines with them in their travels; a method of remedy selection by smelling; the so-called Korsakovian method of dose preparation that uses a single test tube for medicine dilution. Today homeopathic medicines prepared under the Korsakovian method are used widely in France and Belgium, and the method itself is quoted in homeopathic pharmacopeias published in the United States and the United Kingdom.¹² The Korsakovs’ archive holds a letter from Samuel Hahnemann himself, in which the founder of homeopathy exclaims: “I admire the zeal with which you devote yourself to the beneficial healing art, not only in order to have help for your own family and neighbors, but also to penetrate the secrets of nature, as proved by your valuable notes.”¹³ A bust of S. Hahnemann decorated Korsakov’s study. The sculpture was presented to him by his fellow-homeopathist from St. Petersburg, Dr. I. P. Miklashevsky, “as a sign of Hahnemann’s young new disciples’ respect for one of his most zealous and sincere followers.”¹⁴

This passion for homeopathy rubbed off onto the next generation of the Korsakovs. The archive’s papers attest to an attempt to organize in 1859 a Russian Homeopathic Society: an application addressed to S. S. Lansky, Interior Minister at the time, an explanatory statement from practicing homeopaths, and a draft of the Society’s charter. Among the undersigned, close to the top, are two sons of Semyon Korsakov: Sergey and Alexander.¹⁵

Semyon Nikolaevich was also interested in natural sciences and physics. One of the rooms in his Tarusovo manor served as a physical laboratory, equipped with various instruments: a telescope, an electrical machine, special equipment and glassware for conducting physical and chemical experiments, built to his own designs. According to a list that eventually ended up in the archive, the following objects made up his home observatory and photo lab in 1848: “... 2. Telegraph, 3. Observatory, celestial; 5. Camera obscura, external; 6. Camera obscura, internal; 4. Camera obscura of the sun and moon; 7. Solar microscope, or camera obscura microscopic; 9. Light diffraction with a prism; 10. Looking glass; 11. Eolian harp; 12. Wind pipe; <...> 14. Echo; 15. Telescope.”¹⁶

The documents in the Korsakovs’ archive allow us to trace the path that led Semyon Korsakov to experiments in photography. From an early age, he was into drawing and painting; he took lessons from professional painters. We have his drawings of architectural monuments in Moscow and its environs made in the first decade of the nineteenth

Журнал «Земляк». Некролог на смерть С. Н. Корсакова с изображениями сцен из его жизни в Тарусово. Февраль 1834
The “Zemlyak” journal. S. N. Korsakov’s obituary, illustrated with scenes from his life at Tarusovo. February 1834

century; numerous sketches made during his service with the militia in 1812; drawings of the cities he visited while collecting statistical data in 1820–1835.¹⁷ There is also a set of sketches by Semyon Nikolaevich pertaining to the rebuilding of the Tarusovo manor. Korsakov’s works show his predilection for documentary accuracy, his painstaking attention to detail. In order to render precise likenesses, Korsakov turned his attention to optical instruments and light for his works. Already in the 1810s he was experimenting with the camera obscura. In his notebook entitled *A Mix, or Excerpts from Books, Journals, Various Curious Works and Data*, Semyon Nikolaevich, commenting on some excerpts from a French journal on Daguerre’s invention in 1839, wrote: “Already back in 1817, while living in Kanchev’s house, opposite the Stone Theater, I was visited by a thought to make images in the camera obscura permanent by exposing paper covered in a solution of silver chloride (*muriate D’argent*) to light; but my experiments then were a total failure.”¹⁸

It is worth noting that the interest in applying mechanical and optical instruments for creating images was a societal characteristic of that period. We can assume that Semyon Korsakov used a camera lucida for his drawing exercises. The contraption was patented in 1806 by William Hyde Wollaston, an English physicist, and consisted of a four-sided prism and a half-silvered tilted mirror. It projected the scene in front of the artist on a drawing surface. The camera lucida allowed one to attain the right perspective of the object and produce faithful images. There is no mentioning of the device on the list of equipment at Korsakov’s lab, yet there is a report in the in-house family journal, *Zemlyak* [Homeboy], about a visit of neighbors to Tarusovo and a presentation of works of art, aided by the camera lucida, given to Semyon Nikolaevich.¹⁹

In the early 1820s, production of silhouettes (profiles) with the aid of a drawing machine, or “silhouettograph,” came into vogue in Russian society. Most popular drawing machines consisted of a semitransparent sheet of glass, with an attached pantograph which automatically made reductions of the silhouette. The silhouette, usually obtained on black paper, was then glued to a light-colored background, covered with glass, and framed. Sometimes several silhouettes were mounted in one frame. This approach to drawing was Korsakov’s cup of tea, and pretty soon he took up making silhouettes of those who surrounded him. A drawing machine appeared in the Korsakov’s house.²⁰ The archive has 841 silhouettes made by several generations of the Korsakov family, including black profiles in frames, and also silhouettes on white paper made in preparation for portrait painting. Most of the silhouettes are annotated—name of the sitter and image-to-life-size ratio. There is also a list of those who sat for their profiles to be drawn, made up by S. N. Korsakov in 1824. More than fifty people – the family’s friends, acquaintances, employees – posed for Korsakov: the Mordvinovs,

the Muravyovs, the Stolypins, children’s tutors, governesses, nurses, etc.²¹ Semyon Nikolaevich’s children – Sergey²² and Natalia – were also into the production of silhouettes, as well as his grandchildren. Many silhouettes from the Korsakovs’ archive were made later, in the 1840s and 1850s, the time daguerreotypy was holding sway, which probably means that silhouettes (profiles) usually complemented daguerreotype portraits of the sitters.

The beginning of 1839 brought the news of Daguerre’s invention, which had a great impact on Semyon Korsakov. An excerpt from issue #2 of the *Otechestvennye Zapisky* for February 1839 appeared in his notebook: “Faithfulness of the daguerreotype is astonishing, microscopic: a part of Paris was recorded on a board of size 1-foot square. One can imagine to what size the external objects, depicted on a board with such dimensions, were reduced; notwithstanding this, while viewing some areas of this picture through a microscope, they were able, to their great surprise, to read the names of owners on houses and other signs that are usually placed there.”²³ The invention of the daguerreotype inspired Korsakov to give this trade a try. His first daguerreotype camera appeared in his study in 1840. He used it to take pictures of his relatives, friends, and neighbors. He also took views of the estate. Unfortunately, we do not know what type of camera he used in his trials. Knowing his creativity, however, we can assume that he could have tinkered with the apparatus to improve its characteristics and figured his own way with the entire process. Probably he used all three camerae obscurae he had on hand in his study. One of his sons, 11-year-old Alexander Korsakov, the Tarusovo chronicler, made the following entry for April 5, 1841, in his diary: “Daddy took portraits of Mommy and Natasha with his biggest daguerreotype, but failed.”²⁴ In his trials, Korsakov consulted with the publications dealing with the daguerreotype process and sought advice from daguerreotypists who had already made names for themselves as professionals.

In the early 1840s, Semyon Nikolaevich met first professional daguerreotypists operating in Moscow, which is evidenced by the entry in Alexander Korsakov’s diary for May 26, 1842: “Daddy took me to Shmit, where they make daguerreotype portraits.”²⁵ The last name Shmit points us in the direction of a well-known daguerreotype studio in Moscow, run by chemist F. Schmidt and his friend, Alexey Grekov.²⁶ Going through S. N. Korsakov’s to-do-in-Moscow lists for 1842, we stumbled upon Grekov many times: “To A. F. Grekov, plates, dager[rotype] estab[lishment], a look around,” and for another visit: “Apparatus. galvanized plates at Grekov’s.”²⁷ Probably Grekov visited Tarusovo as Korsakov’s consultant in June 1842. A record of this visit was left in Alexander Korsakov’s diary: “June 16. Daguerreotypist has arrived, the one that taught Daddy to shoot pictures with the daguerreotype.”²⁸ Another entry, for June 18: “The daguerreotypist taught Daddy for a long time how to handle bromine”;²⁹ “June 19. The

daguerreotypist has been staying with us all this time. Daddy said that he would give him a piece of glass (which the other liked very much) if he made a good family picture. The daguerreotypist made two, pretty good ones. Daddy gave him the glass.”³⁰ Unfortunately, none of the surviving daguerreotypes carry any indication of Grekov’s involvement with their production.

On his trips to Moscow and St. Petersburg, on business or for family reasons, Korsakov, without fail, replenished his stock of chemicals and plates for photography needs, bought new literature on the subject, and acquainted himself with new works of daguerreotypists. In the winter 1841, on a visit to St. Petersburg to make school arrangements for his son, Mikhail, Semyon Korsakov bought plates and cover glasses at Schedel’s shop, and then more plates and chemicals at Zamaev’s.³¹ Visiting Moscow in May 1842, he went to Karl Beckers’ shop to buy “French plates — 10, a daguerreotype with a view of the Kremlin”³² (apparently, a hand-tinted and retouched view of the Kremlin made from N. P. Lerebours’ original daguerreotype of 1842). On the same visit he intended to buy from Grekov “an apparatus for galvanizing plates, and metal cups.” In the winter 1846–1847, Korsakov planned a trip to St. Petersburg and jotted down notes to himself: “... daguerreotype, etc.; to Jacobi, learn about his method without glass; at Schedel’s, shots with low foc. aplamatic [aplanatic]; a hundred well-polished plates, like a sample one.”³³

Korsakov regularly subscribed to publications on the subject of daguerreotypy; he followed all new developments in this field, purchased not just Russian literature, but also printed materials delivered from abroad. As soon as anything in any way related to the daguerreotype process had reached Russia, it immediately appeared on his desk. He used every opportunity to look for fresh additions to his library. For instance, for the aforementioned visit to St. Petersburg in the winter 1841, Korsakov put down the following reminder in his notebook: “Books: on photography new.”³⁴ A catalog of Korsakov’s library, drawn up shortly before his death in 1853, lists fifty-three titles on the daguerreotype and photography techniques in Russian, German, French, and English, published between 1839 and 1853. Among those are brochures by L. J. M. Daguerre, published in Paris and Leipzig in 1839; *A Popular Treatise on the Art of Photography*, published in Glasgow in 1841; various pamphlets and booklets describing the daguerreotype process, published in 1842–43 in Paris, London, and Leipzig; numerous other publications on photography that appeared between 1844 and 1853; and eleven issues of *The Mechanics’ Magazine* for 1846–53, published by Joseph Clinton Robertson in London.³⁵

In 1840, Korsakov first crossed paths with the painter Carl Peter Mazer, who shared his interest in daguerreotypy. Later on, the Swede opened a daguerreotype studio and became Semyon Nikolaevich’s

go-to consultant on all matters photographic, as well as a close friend of the Korsakov family. He kept these warm relations with Semyon Korsakov’s children throughout the rest of his life.

Semyon Nikolaevich started with shooting pictures at his study, and once it got warmer outside, continued his trials in the courtyard, in front of the main house. In 1842, a family photo lab was furnished in a wooden outbuilding on the estate, which used to be a garden pavilion of sorts. “In front of the log hut, where we shot with the daguerreotype, there was a recreations field with gymnastics apparatuses installed.”³⁶ In the wintertime, photoshoots took place in the living room or in Korsakov’s study. Primary subjects for daguerreotyping were members of the Korsakov family, their manor in Tarusovo, their relatives and neighbors. By the time Semyon Korsakov fell for daguerreotypy, his three eldest sons had already been studying at St. Petersburg. It goes without saying that their every visit with the family was perpetuated on a plate. His favorite model was his wife, Sofia Nikolaevna, who, despite constant busyness with the estate affairs, never declined to sit for the camera. Her cousin, Nikolay Nikolaevich Muravyov, used to call her “Sofia the Sitter,”³⁷ and the surviving daguerreotypes give us a hint on the origin of this jocular nickname.

Everyone pitched in with their share of collective effort to keep this little daguerreotype enterprise in Tarusovo’s photo lab going: Korsakov’s sons and daughters, their teachers and governesses, even their guests and neighbors. Children polished silvered plates and made housings for daguerreotypes. Semyon Nikolaevich’s top aide was his son, Sergey, who in the summer 1842 was on leave from St. Petersburg. The young 2nd lieutenant helped Semyon Nikolaevich with photographic chores and attempted daguerreotyping himself. “Seryozha got a room to practice the daguerreotype,” wrote Alexander Korsakov in his diary on June 21, 1842.³⁸ Daguerreotypes from that year signed by Sergey Korsakov did not survive. Soon he returned to St. Petersburg, and his role of the father’s right hand in the daguerreotype matters transferred to his brother, Alexander. The 12-year-old boy developed an interest in the daguerreotype process, wrote down a detailed description of its stages, and actively participated in photo sessions. There is only one plate from this period with him in the archive. Probably he preferred shooting daguerreotypes over posing for them. We can find accounts of his father’s daguerreotype sessions in August 1844 in his journal: “Saturday, August 5. Bugaevskaya³⁹ with her ward Lypochka [Olympiada] came to visit. The girl is quite pretty. She promptly became friends with Annenka [Korsakova] and all the time walked with her in the garden. August 6. Daddy wanted to shoot Lypochka with the daguerreotype, but this frolicker would not sit still and, since the sky was cloudy, it was not possible to do it quickly. Two portraits, however, turned out quite well and Bugaevskaya took them with her. August 16. F. Y. Blumer⁴⁰ arrived from Moscow, he is the former Tarusovo’s owner.

Неизвестный автор. Плотина у мельницы на реке Дубна близ Тарусово. Калотип. Середина 1850-х
Unknown. A Dam by a Mill on the Dubna River near Tarusovo. Calotype. Mid-1850s

August 20. Daddy took up his daguerreotype and began taking portraits of Blumer and Misha [Korsakov], they are not very satisfactory, but some of them turned out quite alright.”⁴¹

Four years later, in 1846, Alexander, as his three older brothers before him, was sent to St. Petersburg to receive a formal education, and Semyon Nikolaevich continued to receive help in his daguerreotype endeavors from his remaining daughters, Vera and Natalia, and sons, Vladimir and Alexey. By 1847, a quite sizable photo archive had been formed at Tarusovo: seven boxes with Semyon Korsakov’s works of “photographic art.”⁴² The venue returned to Korsakov’s study on the second floor of the Tarusovo manor. Here is a description of this study

from the article *Good Times at Tarusovo* “published” in the *Zemlyak* journal: “Climb the spiral stairs and you will find yourself in the Temple of Science: there, in a small room, you will find bookshelves full of books and pictures; on the wall: portraits of those who love Tarusovo, and a microscope, and a drug cabinet, and a daguerreotype, and many rarities and a fireplace that calls for you to get warm... Your head is empty? Thirsty for arguments, for some food for thought? Talk to Daddy and a new world will open up for you.”⁴³

Korsakov’s infatuation with daguerreotyping was covered by the family in-house journal *Zemlyak* [Homeboy], published by the Korsakov children from 1844 through 1854. The journal followed

the family’s day-to-day life, shared news from neighbors and also reported so-called “foreign news.” Alexander Korsakov was its first editor and reporter. Mikhail and his friend, Vladimir Bezobrazov, son of the Korsakovs’ nearest neighbors, contributed to the journal on their visits to the estate. After Alexander’s departure to St. Petersburg, his siblings, Vera, Natalia and Vladimir Korsakov, took upon themselves to go on with the periodical. Information about daguerreotype sessions appeared in it on a regular basis. The notes for 1844 read as follows: “July 1–8. Daddy got to his daguerreotype and took a portrait of the teacher [Alexey Subbotin], but it turned out pretty dark. July 19–26. Daguerreotyped a portrait of Natasha [Korsakova], dressed her as a Tirolian girl, in a round black hat, and gave her a guitar, the portrait was no good, though. September 16–23. Daddy took with the daguerreotype a portrait of Anna Pavlovna [Korobova], but failed.”⁴⁴ In the issues for 1845: “May 27. Daddy got to the daguerreotype and, having caught Vasily Sergeevich [Norov] in the garden, took his portrait by the log hut.”⁴⁵ More accounts in the issues for 1846: “January 30, 1846. The silence of the Large Mirrors has been disrupted—with the daguerreotype.”⁴⁶ Daguerreotypes made by Semyon Nikolaevich were actively passed around the neighborhood and presented to relations and acquaintances who happened to be visiting Tarusovo. In the fall 1848, Nikolay Nikolaevich Muravyov with his family were guests at the Tarusovo manor. This visit left a record in the *Zemlyak* journal: “October the 19th. Showed Daddy’s daguerreotypes to Auntie [Natalia Grigorievna Muravyova], and she selected a few for herself, that is, portraits of Nikolay, Mommy, Daddy, Vera and Natasha.”⁴⁷ Sergey Korsakov, back home on a leave in January 1848, picked up his daguerreotype trials: “January 30, 1848. Seryozha took with the daguerreotype portraits of Valerian [Muravyov] and Misha [Korsakov]. February 26. Seryozha occupied himself with the daguerreotype again, although without any success. February 28. In the morning Seryozha set to daguerreotyping again, and Lelya [Alexey Korsakov] turned out particularly well.”⁴⁸

Mikhail, Semyon Korsakov’s son, usually modeled for his father’s shooting sessions and respected his old man’s daguerreotypy pursuit. While serving under the command of his relative, N. N. Muravyov, in Siberia, he organized in March 1852 a subscription among his comrades-in-arms for “a daguerreotype portrait of N. N. Muravyov [Count Amursky] at 10 rub. 50 kop. silver.” After he had collected the money, he sent away for the daguerreotypes, from Irkutsk to J. Weninger’s shop at St. Petersburg. The markings on the paperwork show that the plates were eventually delivered.⁴⁹ There is a portrait of N. N. Muravyov from J. Weninger’s studio (1852) in the Korsakovs’ archive. It is a hand-tinted engraving after a daguerreotype.⁵⁰

Closer to his life’s end, Semyon Nikolaevich began to lose his sight; other ailments were bothering him, too. His son Sergey resigned from

the service in 1852 and came to Tarusovo to help his parents out with the estate affairs. By this time, only Korsakovs’ daughters and their youngest son, Alexey, lived with the couple. The latest surviving daguerreotypes were probably made by Sergey and Nikodim Franzevich Butsko, a recently hired tutor for the Korsakov children.⁵¹

Despite his poor health, Semyon Korsakov never stopped following the developments in photography. Soon after the first tidings of the advent of photography on paper, the younger generation of the Korsakovs, under their father’s supervision, started experimenting with this medium. “Seryozha and Alyosha have gotten down to photography, stuffed the table with jars and vessels; all morning long they were weighing something in the balance and were bent on doing it,” reads the entry for April 23, 1853, in the *Zemlyak* journal.⁵²

The Korsakov archive holds several photographs – negatives and positives—from the early 1850s. The surviving shots are reproductions of engravings, drawings, and portraits. One of them is annotated. This is a photographic copy of a daguerreotype portrait of Vera Cherkesova with an inscription: *To Dear Daddy Alyosha*. There is also a negative of a painting by an unidentified artist, with a date: *April 25 853*. Apparently, this is a product of Sergey and Alexey’s collaboration.⁵³

After Semyon Nikolaevich’s death on December 1, 1853, no one of his children continued to pursue photographic experiments at Tarusovo. His study-laboratory was turned into a museum, in which his things and instruments remained the way they had been in his lifetime. This unique home photo lab had stayed intact until 1920, when it went up in flames (literally) with the rest of the Tarusovo manor. A part of the library had survived. 837 books, out of the original collection of seven thousand titles, were moved to Moscow earlier, in 1918 (they are now held at the Russian State Library); in 1925, 2,465 volumes, which had survived the fire, were transferred to the Dmitrov Museum.

This publication of the daguerreotype collection of the Korsakov family, which was buried for almost a century in the vaults of the Russian State Library, will expand our understanding of the early stages of Russian photography and acquaint us with an extraordinary person, the inventor Semyon Nikolayevich Korsakov. It will also provide a detailed look at the daily life of a Russian country estate and its inhabitants in the mid-nineteenth century.

¹ Archive of the Russian State Library. L. 25. Fol. 52, p. 3.

² Ibid. L. 1. Fol. 812, p. 308.

³ Ibid. Fol. 812, p. 309v.

⁴ Ibid. Fol. 812, p. 307v.

⁵ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 167. Item 26, p. 1.

⁶ Ibid. C. 147. Item 9.

⁷ *Vid.*: Karsakof, S. Apercu d’procede nouveau d’investigation au moyen de machines a comparer les idees. St. Peterbourg, 1832. 22 pages; Radovsky, M. I. Iz istorii vychislitelnykh ustroystv: «Intellekturnye mashiny» S. Korsakova (po arkhivnym materialam AN SSSR) // Istoriko-matematicheskie issledovania. Iss. 14. M, 1961, pp. 551–586; Povarov, G. N. Istoki russkoy kibernetiki. M., 2005, p. 20. ⁸ *Vid.*: Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 162. Item 25, p. 1. The Announcement of the Russian Geographical Society on the election of Semyon Nikolaevich Korsakov its actual member as of February 8, 1847. On a printed template with the signature-autograph of Feodor Litke, Chairman of the Council of the Russian Geographical Society.

⁹ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 147. Item 9.

¹⁰ For a detailed account of the life of the Korsakov family see: Fatueva, L. A. Miloe Tarusovo, kak ne liubit tebia! // Russkaya usadba. Sb. Obshchestva izuchenia russkoy usadby. Iss. 13–14 (29–30). M., 2008, pp. 742–839.

¹¹ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 176. Item 40, pp. 1–2.

¹² Patudin, A. V., Mishchenko, V. S. Letopis rossyskoy gomeopatii (1824–1995). M., 2015, pp. 43–44.

¹³ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 79. Item 10, p. 1. (S. Hahnemann’s letter dated March 7, 1832. Translated from French.)

¹⁴ Ibid. C. 245. Item 2, p. 587.

¹⁵ Ibid. C. 224. Items 36, 37.

¹⁶ Ibid. C. 259. Item 34.

¹⁷ Ibid. C. 270. Items 2, 3, 4. (Views, Sketches, Architectural Drawings of the Moscow Suburbs, Bronnitsy, Smolensk, Dmitrov, Tver and Neighborhood. 1805–1835.)

¹⁸ Ibid. C. 14. Item 9, p. 96. (In 1817, S. N. Korsakov rented a house from a Mr. Kanchev on Theater Square (corner of Nikolskaya St), next to the house of his uncle, N. S. Mordvinov. Early in 1818, he met his future wife, Sofia Nikolaevna. The wedding took place at his uncle’s house. Shortly after the Korsakovs’ wedding, the Mordvinov family left Russia for a tour of Europe and Korsakov, with the young wife and his mother, settled on the second floor of the Mordvinov’s mansion.)

¹⁹ “August 7, 1847. At teatime to Tarusovo came A. M. Anastasiev and painter Zubov, who brought with him a few of his oils to show them to Daddy. There was a portrait of N. M. Zilov among them, but very *en beau*, *so en beau* that he looked in it almost a handsome man, yet the facial features were certainly his. Also, there were pencil portraits, made by means of the camera lucida, those were portraits of A. P. Sol[oviev] and Mikh[ail] Pav[lovich] Savolov, very much like the originals” (Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 245. Item 2, p. 228).

²⁰ *Vid.* an entry in the *Zemlyak* journal: “February 23, 1848. In the evening, Natasha set to making profiles in Seryozha’s room; brought in the silhouettegraph from Daddy’s and a convex glass and began tracing the shadows—of all the boys.” (Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 245. Item 2, p. 555.) The device had survived until the end of the nineteenth century and was widely used by S. N. Korsakov’s descendants.

²¹ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 28. Item 20.

²² Sergey Korsakov had a knack for making silhouettes. This could be inferred, for instance, from the Korsakovs’ ward’s, N. Chistoserdova’s, letter to him of June 18, 1837, with the following request: “... I would like to have, just for now, portraits of Daddy, Mommy, and of both Grannies, and [since] you are a great master at taking silhouettes: please do me a favor, make them for me as a gift, instead of those you promised me last year, of me, Nadezhda Pavlovna, and Maria Pavlovna. I would also like to ask you to take silhouettes of all the children, but knowing this work would probably take a lot of your time, I’m postponing this request of mine until the next time, despite my great desire to have you all before my eyes” (*vid.*: Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 121. Item 33).

²³ Ibid. C. 14. Item 9, p. 96v.

²⁴ Ibid. C. 45. Item 1, p. 41.

²⁵ Ibid. Item 5.

²⁶ The history of A. Grekov’s studio is exhaustively covered by T. N. Shipova. *Vid.*: Shipova, T. N.

Daguerre’s Disciples in Moscow // The Daguerreotype in Russia. Volume IV. The Collection of the State Literary Museum / Eds. T. N. Shipova, T. Y. Sobol. SPb., 2016, pp. 10–21.

²⁷ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 14. Item 2. Notebook 1, pp. 5, 16v.

²⁸ Ibid. C. 45. Item 5.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. C. 14. Item 2. Notebook 3, pp. 6v, 12v.

³² Ibid. Notebook 4, p. 14v.

³³ Ibid. Notebook 3, p. 3.

³⁴ Ibid., p. 13v.

³⁵ Ibid. C. 174. Item 16, pp. 35–36.

³⁶ Ibid. C. 245. Item 2.

³⁷ Ibid. Item 3, p. 142.

³⁸ Ibid. C. 45. Item 4.

³⁹ Probably, this is Maria Trofimovna Bugaiskaya, owner of the village of Bykovo (*vid.*: Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 157. Item 6, p. 2. (*Alphabetical List of the Dmitrov District, the Estates and Souls, Indicating the Owners of Each by Name in Accordance with Current Revision 7 (1815)*. The list was prepared by S. N. Korsakov in 1830s–1840s.))

⁴⁰ The estate was bought from Maria Ivanovna Blumer. Here is mentioned her son, Frederik Blumer, who was Mikhail Korsakov’s contemporary.

⁴¹ Manuscripts Department of the Russian State Library. F. 137. C. 46. Item 3. (Alexander Semyonovich Korsakov’s Journal. July 12—December 30, 1844.)

⁴² *Vid*: Ibid. C. 245. Item 2, p. 184. (Entry in the *Zemlyak* journal for July 14, 1847: “After dinner, at Daddy’s study all the elder [children] examined Daddy’s daguerreotype portraits for quite a long time, all seven boxes, and it was fun to go through them.”)

⁴³ Ibid., p. 5. (1847).

⁴⁴ Ibid. C. 244. Item 3, pp. 23, 55v, 75v.

⁴⁵ Ibid. Item 4, p. 29.

⁴⁶ Ibid. C. 245. Item 2, p. 522.

⁴⁷ Ibid. Item 3, p. 130v.

⁴⁸ Ibid. Item 2, pp. 507, 557, 559.

⁴⁹ Ibid. C. 103. Item 35, pp. 1, 3.

⁵⁰ Ibid. C. 288. Item 25.

⁵¹ *Vid*: Ibid. C. 246. Item 3, p. 87 v. (Entry in the *Zemlyak* journal for February 22, 1853: “Seryozha and Nikodim Franzevich set to daguerreotyping, with a vengeance.”)

⁵² Ibid., p. 105.

⁵³ Ibid. C. 168. Item 2, pp. 12–22.

А. Е. Родионова

Дагеротипы в собрании отдела рукописей Российской государственной библиотеки

Отдел рукописей — старейший отдел Российской государственной библиотеки, хранящий рукописные книги и архивные документы. Его фонд насчитывает более 680 тыс. единиц хранения, среди которых древнейшие памятники славянской письменности (Архангельское евангелие 1092 г., Мариинское евангелие XI в., Добролюво евангелие 1164 г., Евангелие Симеона Гордого первой половины XIV в., Евангелие Хитрово 1425 г. с миниатюрами работы Андрея Рублёва), уникальные греческие и западноевропейские рукописные памятники, начиная с VI в., рукописи на восточных языках, автографы русских царей и французских королей (1559—1786), выдающихся деятелей отечественной и европейской истории, классиков русской литературы (М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. А. Булгакова и др.).

Преобладающее число в фондах отдела — это личные архивные фонды, часть из которых поступила в библиотеку после революции 1917 г., в результате национализации помещичьих усадеб. Изобразительные материалы — неотъемлемая принадлежность личного архивного фонда. Именно они, наряду с биографическими документами, творческими рукописями, дневниками и перепиской, и создают ту удивительную атмосферу нашей сопричастности ушедшему времени. Прежде всего, это фотографии, реже — альбомы с рисунками, портреты маслом, акварелью, гравюры. И совсем редко встречаются дагеротипы, предшественники фотографии на бумаге, — металлические пластины, монтированные под хрупкое стекло, которое при малейшем давлении трескается, повреждая драгоценное, порой уже утасующее от времени изображение. В личных архивных фондах таких пластин практически не осталось, хотя в 1840–1850-е гг. они наверняка были в каждой дворянской или купеческой семье.

В собрании отдела рукописей Российской государственной библиотеки выявлены к настоящему времени 235 дагеротипов, из них 222 сохранились в личном архивном фонде Корсаковых (ф. 137), привезённом из усадьбы Тарусово в 1918 г. вместе с уникальным семейным архивом (в 1920 г. усадьба сгорела).

Дагеротипы поступали с личными архивными фондами в библиотеку (Московский публичный и Румянцевский музеи) и до революционных событий 1917 г.

Первым поступил известный дагеротип Ф. Перро «Русские художники в Риме» 1840-х гг., вмонтированный в крышку переплета альбома Ивана Егоровича Бецкого «Флорентийская елка», включающего собрание автографов, фотографий, гравюр и печатных материалов. Иван Егорович (Юрьевич) Бецкий (1817–1891) — побочный сын Ю. И. Трубецкого, — окончил философский факультет Харьковского университета в 1842 г., служил губернским секретарем в Харьковском Дворянском собрании (1843–1844) и чиновником особых поручений при Московском военном генерал-губернаторе (1849–1851). Жил в основном за границей. Известен как переводчик, мемуарист, издатель, собиратель рукописей и автографов. Был почётным членом Императорской публичной библиотеки и Московского публичного и Румянцевского музеев. Его коллекция передавалась в Румянцевский музей частями. Самые большие поступления были в 1868 и 1874 гг. Автографы И. Е. Бецкий собирал всю жизнь, многие приобретал за границей. Знаменитый дагеротип Ф. Перро, например, был куплен им за границей и занял почётное место в его коллекции — в одном из альбомов с бесценными автографами.

Дагеротип с портретом Софьи Григорьевны Чернышевой-Кругликовой оказался в наших фондах вместе с архивными документами семьи декабриста Василия Львовича Давыдова (1792–1855) в 1930 г. Софья Григорьевна воспитывала двух дочерей В. Л. Давыдова.

Два дагеротипа с портретами тамбовского помещика, отставного полковника Михаила Фёдоровича Петрово-Соловово (1813–1887) и Василия Алексеевича Пашкова поступили вместе с изобразительной частью семейного фонда Петрово-Соловово (ф. 223) от Льва Васильевича Горнунга в 1971 г. В сопроводительном письме от 24 мая 1971 г. Л. В. Горнунг упоминает о большом семейном архиве Петрово-Соловово, находившемся в имении Вязовка в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, который «безвозвратно погиб» после 1917 г. В 1938 г. в библиотеку поступили биографические документы и переписка Михаила Фёдоровича и Евдокии Васильевны

Петрово-Соловово, её брата, известного драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина, сестёр: писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир (Евгении Тур), художницы Софьи Васильевны Сухово-Кобылиной. Значительную часть семейного эпистолярного наследия Л. В. Горнунг передал в библиотеку в 1949 г. В деле фонда № 223 (архив Петрово-Соловово) хранится письмо Л. В. Горнунга от 7 октября 1949 г. с перечнем предлагаемых отделу рукописей и портретов членов семьи Сухово-Кобылиных и Шепелевых. В письме упоминаются восемь дагеротипных портретов «конца 1840 — начала 1850-х гг.»: Александра Васильевича Сухово-Кобылина («без усов»), Евдокии Васильевны Петрово-Соловово (два дагеротипных портрета), Софьи Васильевны Петрово-Соловово, двух сестёр Евдокии и Софьи Сухово-Кобылиных, Михаила Фёдоровича Петрово-Соловово до женитьбы — в военной форме (два дагеротипа), Михаила Фёдоровича Петрово-Соловово — в штатском. В отдел рукописей библиотеки они так и не поступили. Благодаря сводному каталогу «Дагеротип в России» удалось узнать, что вышеперечисленные дагеротипы находятся в Государственном литературном музее¹. Сомнение вызывает указанная в издании дата приобретения дагеротипов у Л. В. Горнунга — «1946 г.», в то время как письма, хранящиеся в отделе рукописей, говорят о том, что в 1949 г. они еще были у владельца.

Лагеротип известного писателя Алексея Феофилактовича Писемского, датированный 2 апреля 1846 г., с практически утасшим изображением (по обрывкам записи на обороте можно прочесть: «26 лет от роду»), поступил вместе с архивом Афанасия Афанасьевича Фета в 1924 г. Архив был вывезен из имения поэта Воробьевка, расположенного в Щигровском уезде Курской губернии, Н. И. Чернуговым, хранителем Третьяковской галереи, знакомым С. Д. и П. Д. Боткиных, наследников поэта. Через Музейный отдел Наркомпроса на Софийской набережной, 14, архив попал в библиотеку, в отдел рукописей под № 315.

Четыре дагеротипных мужских портрета и один женский поступили вместе с семейным архивом из имения Покровское Шереметевых после национализации усадьбы в 1918 г. Имением владели Надежда Николаевна Шереметева, урождённая Тютчева, и её сын Алексей Владимирович, уездный предводитель дворянства. Последним владельцем имения был граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин. На одном из дагеротипов изображен граф Владимир Иванович Мусин-Пушкин, родственник владельца усадьбы. На другом — Н. В. Воейков.

Три дагеротипа находятся в коллекции изобразительных материалов (ф. 187): два групповых портрета воспитанников кадетских корпусов и портрет поручика А. А. Рахманова. Фонд 187 образован в отделе рукописей по решению методического бюро отдела от 6 июня 1953 г. В него включены изобразительные материалы из

расформированной в 1921 г. «Комнаты людей 1840-х гг.», портреты маслом, акварели из архивов Воронцовых-Дашковых, Волконских, Шаховских, фотографии из коллекции общины Рогожского кладбища. В основном документы этого фонда имеют большой формат, часть портретов заключена в тяжёлые рамы. Постепенно материалы коллекции научно обрабатываются, атрибутируются и вливаются в личные архивные фонды. Так произошло с портретами из имения Вяземских Остафьево, фотографиями и гравюрами из фондов Киселёвых-Милютиных, С. А. Романова, А. А. Фета.

Часть дагеротипов из «Комнаты людей 1940-х гг.», существовавшей в библиотеке до 1923 г., была передана в 1946 г. в Государственный исторический музей. Среди них — дагеротипные портреты И. С. Тургенева, А. И. Герцена и Н. А. Герцен с дочерью Ольгой, Л. И. Гага, М. К. Эрн и Николая Герцена². Дагеротипы передавались из библиотеки в музей, так как, возможно, считались непрофильными материалами. Их относили не к документальному, а к вещественному ряду. При национализации усадеб дагеротипы снимали со стен вместе с живописными произведениями.

Наибольшую ценность в собрании дагеротипов отдела рукописей РГБ представляет коллекция из архива Корсаковых, помещиков Дмитровского уезда Московской губернии, владельцев имения Тарусово. Дагеротипы коллекции отличает хорошая сохранность. Фонд до 2000-х гг. не был полностью описан. В 2007 г. появилась состоящая из восьми томов опись, выполненная старшим научным сотрудником отдела рукописей Т. А. Медовичевой. Туда частично вошла дагеротипная коллекция Корсаковых. Более 80 дагеротипов были описаны только в ходе подготовки каталога РОСФОТО «Дагеротип в России» О. Л. Соломиной и А. Е. Родионовой.

Коллекция преимущественно состоит из дагеротипов, созданных Семёном Николаевичем Корсаковым. Пребывание в Тарусове в качестве домашнего учителя и друга семьи Карла Петера Мазера, художника и знаменитого впоследствии дагеротиписта, делает корсаковскую коллекцию уникальной. Ряд дагеротипов изготовлены лично Мазером, о чём владелец усадьбы Семён Николаевич Корсаков неизменно сообщает в карандашной записи на обороте. Мазер участвовал в пополнении дагеротипной коллекции Корсаковых, снабжал их пластинами и химикатами. Самый увлеченный последователь Семёна Николаевича Корсакова, его сын Александр, многократно упоминает в своём личном дневнике о съёмке дагеротипом и визитах Мазера: «Мазер купил чудесный дагеротип, который стоит 250 рублей, один инструмент, со всеми же снарядами, min. с бромом, пластинками, йодом, треножниками и много других — 800 руб.»³ Мазер отправлял С. Н. Корсакову пластинки для дагеротипов и учил полировать их большим скрученным ватным тампоном с сильным нажимом⁴.